

Голос поколения, потерявшего страну

памяти писателя Йорама Канюка

8 июня 2013 года на 84-м году жизни скончался известный израильский писатель Йорам Канюк. Книг он написал довольно много, получив все основные премии, которые может получить в Израиле литератор, за исключением Государственной. Что-то из написанного им — хотя несравнимо меньше, чем у Амоса Оза, Меира Шалева и А.-Б. Иехошуа, — даже переведено на русский язык, хотя, к сожалению, из романов — всего один, «Эксокус. Одиссея командира».

Одна из главных, если не главная книга Канюка, озаглавленная «ТаШаХ» («1948 год»), если и выйдет по-русски, то уже без участия автора... Хаим Наймарк перевел один фрагмент из этой книги, отражающей сомнения мятущейся души писателя, в восемьдесят лет оглядывающегося назад — и не находящего отдохновения и утешения:

«Так это случилось с нами. Мы вышли, чтобы привезти евреев через море, а закончили создателями государства в горах Иерусалима. Было бы ошибкой сказать, что мы воевали за создание этого государства. Ну и на самом деле, откуда нам было знать, как создают государства? Кто-то это делал до нас? Глупости, еврейское государство было звуком, вырванным из шофара других людей, и вот так, чудом, которым было по сути это дело, достигло своей цели. ...Государство было туманным и даже смехотворным понятием. Первое, что мы знаем из истории нашего народа, что праотец наш Авраам убегает из своей родины, так как услышал Бога, не того, который Бог Моисея, а другого, ханаанейского, в Арам Нахараим [область между реками Тигр и Евфрат], говорящего ему: «Уходи из своей родины!». Так откуда нам знать, любовь к

родине — что это такое? И чего вдруг именно мы из всех народов, те, кому две тысячи лет в голову не приходило убегать из своей родины, вдруг станем народом, любящим свою и не свою землю и строящим на ней государство? Ведь мы же народ чемоданов, бродяжничества, тоски по месту, в котором никогда не были. ...И если мы что-то выучили про государства, так это как стремиться к государству, а не как его создавать, особенно, если оно будет создаваться в таком враждебном месте, как наше здесь, — это мы его создадим?»

Эти слова — про «народ ... тоски по месту, в котором никогда не были», — могут сказать о себе очень многие иммигранты, перебравшиеся на постоянное место жительства в Эрец Исраэль, а позднее — в государство Израиль, ни разу не побывав там прежде. Собственно, как среди тех, кто приехал из Российской империи/Советского Союза до примерно 1992 года, так и среди т.н. репатриантов массовой алии 1948-1951 годов, удвоивших еврейское население Израиля, первое посещение Страны оказывалось переездом в нее без возможности отыграть назад. Однако сам Канюк, в отличие от большинства израильтян «поколения 1948 года», к которому он принадлежал, иммигрантом не был: он родился в Тель-Авиве спустя пять лет, как туда — после учебы в Берлине, Праге и Гейдельберге — в 1925 году прибыл его отец, уроженец Тернополя Моше Канюк. Мать будущего писателя, Сара Браверман, со своими родителями прибыла из Бессарабии в Эрец Исраэль еще во времена османского владычества, в 1913 году.

Редкий случай, кстати — семья сохранила свою фамилию: когда Козловский стал Сапиром, Язерницкий — Шамиром, а Грин — Бен-Гурионом, Канюки остались теми, кем они были изначально, — и это очень символично, если размышлять о судьбе писателя, вся трагедия которого состояла в том, что он оставался таким, каким был, тогда, когда страна, в которой он родился и вырос, изменялась — и изменялась радикально.

Тель-Авив, бывший символом «нового *ишува*», городом, в котором больше, чем где бы то ни было еще реализовывались принципы сионистского строительства, постепенно становился не центром духовной жизни страны, а «государством в государстве», в котором создаются произведения литературы и искусства, которые за пределами этого города и его северных окрестностей не очень есть, кому читать и смотреть, и где пишутся статьи и проходят митинги, на которые сложно ожидать прибытия демонстрантов из

других городов... На последних муниципальных выборах в Тель-Авиве наибольшее число голосов набрал список «Город для всех» во главе с депутатом от совершенно маргинальной в еврейском секторе Коммунистической партии, второе место занял список, поддержанный Партией труда, третье — вообще не представленный в Кнессете список «зеленых»; Ликуд же — правящая партия в Израиле — получил на тель-авивских выборах лишь чуть более 6% голосов. Йорам Канюк и люди его круга хотели видеть весь Израиль похожим на Тель-Авив, но каждая новая избирательная кампания показывала им, что пропасть между ними и другими группами израильского общества всё расширяется... При этом именно этот круг отцов-основателей строил прибывшим в конце 1940-х - начале 1950-х годов «собратьям» брезентовые и барачные поселки, о которых писатель Сами Михаэль (урожденный Саллах Менаше), прибывший в Израиль в 1949 году, писал четверть века спустя: «Мы были брошены в эту человеческую помойку этими неизвестными бледнолицыми, жителями большого города». Роман Сами Михаэля, о котором в энциклопедии деликатно сказано, что он «нарушил заговор молчания вокруг темы трудностей абсорбции в Израиле еврейских репатриантов из стран арабского Востока», назывался «Те, кто равны, и те, кто равнее»; Йорам Канюк и семья, в которой он вырос, явно относились ко второй группе...

Отец Йорама Канюка принадлежал к тому кругу тель-авивской либеральной секулярной «аристократии», которая, собственно, и заложила основы, позволившие первому ивритскому городу в Палестине стать таким, каков он сегодня, — открытым мегаполисом, где двадцать лет функционирует оперный театр международного класса и пятнадцать лет проходят гей-прайды, участники коих настолько уверены в своем неотъемлемом праве быть собой, что свободно освистывают министра финансов, желавшего обратиться к ним со словами поддержки.

Тель-авивский художественный музей старше государства Израиль, он возник еще в 1933 году, и Моше Канюк, помощник первого мэра Тель-Авива Меира Дизенгофа, на протяжении многих лет был его административным директором. Естественно, что сын и дочь Моше Канюка росли в плюралистичной атмосфере, в которой ценилось искусство. Когда первая арабо-израильская война 1948 года закончилась, Йорам Канюк начал учиться живописи и рисунку в Академии искусств «Бецалель» в Иерусалиме, затем

продолжил обучение в Париже (где прожил около года), после чего десять лет жил в США. В Израиле был тогда период жесткой экономии, но элита всегда в состоянии обеспечить своим детям возможность искать себя там, где им этого хочется. Канюк, если верить его рассказам, то искал золото в Мексике, то алмазы — в Гватемале, то деньги — в казино Лас-Вегаса. Живописцем он не стал, однако творческий дух реализовался в литературе: первая его книга вышла в 1963 году, причем вначале по-английски и лишь потом на иврите. В США Йорам Канюк познакомился с девушкой, с которой связал свою судьбу. Хотя супруга не была еврейкой, пара решила строить свою жизнь в Израиле. У этой пары родились две дочери, одна из которых — Наоми — живет в браке с известной израильской эстрадной певицей Иехудит Равиц, о чем они в начале 2010 года рассказали в резонансном телеинтервью.

Именно брак Йорама Канюка с американкой много лет спустя заставил к тому времени уже пожилого писателя пересмотреть свои отношения с государством, в котором он родился и вырос. В 2011 году он обратился с иском в Тель-Авивский окружной суд, который вскоре признал его право быть записанным в официальном реестре населения МВД в качестве «гражданина без конфессиональной принадлежности». До тех пор у Канюка в графе «религия» значилось, как и у почти всех евреев в стране, иудейское вероисповедание, от идентификации с которым он требовал себя избавить. Таким образом писатель выражал солидарность со своим внуком Омри, которого Министерство внутренних дел отказывалось зарегистрировать в качестве еврея и иудея, хотя его мать — дочь Йорама Канюка — родилась в Израиле, а иврит — ее родной язык. Ее сына, однако, чиновники МВД были готовы записать лишь «американским христианином» или «человеком без религии» — на том основании, что его бабушка по материнской линии, супруга Йорама Канюка Миранда — нееврейка. Вскоре после этого дедушка Омри, Йорам Канюк, потребовал, чтобы МВД и его самого записало в качестве гражданина «без конфессиональной принадлежности». Судья Гидон Гинат процитировал в своем постановлении строчку из искового заявления писателя: «Душа истца не способна более сочувствовать иудаизму — в том виде, в который он трансформировался к настоящему времени». Судья удовлетворил этот иск, признав самоощущение Канюка достаточным для удовлетворения его просьбы не считать его более иудеем.

«Я не хочу быть частью иудаистского Ирана или частью того, что сегодня

фальшиво именуют еврейской религией», — сказал писатель, отметив, что нынешние «религиозные» не соблюдают ценности, заявленные в Декларации независимости Израиля. Если честно, спохватился он довольно поздно: провозглашенные в Декларации независимости принципы равенства вне зависимости от религии, пола и расовой принадлежности ультраортодоксальный иудейский истеблишмент не признавал никогда. Известный писатель, вероятно, надеялся, что эти проблемы — кого этот истеблишмент (получивший в 1953 году монополию на определение принципов брачно-семейного права) считает, а кого не считает евреями, — касаются «русских», «эфиопов» и других представителей «второго», если не «третьего» Израиля, но никак не его и членов его семьи. Скандал был большим, но лично у меня нет сомнений, что, хотя его иск был удовлетворен, достигнутый результат был совсем не таким, на какой он рассчитывал своим актом морального шантажа, как он считал, зарвавшихся чиновников МВД. Чиновники пережили скандал, но не отступились от своих принципов: внук Омри так и не был записан евреем. Дедушки не стало; дальше внуку предстоит бороться за себя в непрекращающейся в Израиле «войне культур» самому...

Алек Д. Эпштейн, специально для «Хадашот»